

Лето выдалось жаркое, почти все лето по горизонту ходили тучки, вселяя надежду на ливни, но расплылись небольшим теплым дождиком и сухими грозами. Горела Иркутская область, Эвенкия. Туруханский район тоже не оставал. Старики говорили:

— Ну, осенью зальет, не может такого быть, чтоб так парило и не возвратилось.

Половина сентября прошла таким же сухим и жарким, и так радовавшая в начале лета богатая завязь на ягоду и орех вся подгорела и засохла. Зато в это лето напарило как никогда гнуса, и от него не было спасения. Плохо помогали магазинные мази, и если люди ходили в сетках, то бедным животным оставалось только забиться в темное место. У собак были разъедены в кровь глаза и

уши, а скотина отказывалась пастись днем. Набивалась, и своя, и чужая, в какой-нибудь сенокос или стайку. Но сибирский народ неунывающий, и какая бы ни была неприятность, всегда найдет в ней смешинку. Так и здесь говорили:

— Ну и что, что мошки много, зато приезжих далеко видать.

Подмечено точно, потому что, зная, что их ждет на улице, местные надевали сетку или мазались какой-нибудь убойной мазью, намешанной с дегтем, и шли по улице спокойно. Сошедшие с судна люди сразу попадали в облако жадной живой пыли и начинали отчаянно отмахиваться.

По улице небольшой деревушки, стоявшей на берегу Енисея, не спеша шел среднего роста бородатый мужик. Одет он был в камуфляжный ко-

стюм и военного образца фуражку, которая делала его похожим на кубинского лидера Фиделя Кастро, только борода русая.

— Федя! Фе-е-едор! — слышался женский крик.

Мужик заозирался, но улица была пуста. Поставив немного, мужик хотел продолжить свой путь, но голос, в котором уже появились командирские нетерпеливые нотки, повторил:

— Федор, подожди!

Из неприметной калитки вышла пожилая женщина.

— Федор, подойди сюда, — сказала она.

Федор постоял, что-то обдумывая, и нехотя побрел навстречу. Они были давно знакомы, когда-то, лет двадцать назад, жили в другом, большом поселке; не дружили — были просто соседями. В разное время и по разным причинам они уехали из того места и по воле судьбы осели в этом небольшом таежном поселке, стоявшем на красивейшем сливе двух рек. Дружить они так и не стали, а отношения установились вроде как с дальней родней. Какая-то невидимая спайка получилась от их совместного проживания за те далекие годы. Женщина встревоженно двинулась навстречу Федору:

— Федя, зайди, посмотри, кажется, нетель медведь задрал, так и трясется, бедная!

Федор молча прошел мимо хозяйки в ограду, хозяйка, идя следом, указывала:

— Вон там, под навесом, в загончике она.

Федор продолжал идти молча, он знал подворье. Рослая и отъевшаяся за лето телка стояла неподвижно, в основании правой лопатки была рана в виде белых полос. Федор взял валявшийся на земле прутик и легонько хлестанул ее, заставляя пройти по загону. Телка легко передвинулась, не хромая.

— Да, Дарья, это медведь, и медведь, который уже где-то охотился, опытный. Или телка у тебя сильно резвая, или что-то другое ему помешало, но удара у него не получилось.

Федор работал штатным охотником в совхозе и, будучи не новичком в таежном деле, знал этот страшный удар когтистой лапы, который валил и лосей, и оленей. Пробивая в основании лопатки шкуру, зацепляя когтями за лопатку, зверь рвал у жертвы связки, лишая ее резвости и изворотливости, а там... Как говорится, главное сделано, остается свалить и поест.

— Ну, Дарья, ничем помочь не могу. Вокруг раны обмажь йодом или дегтем, да и держи в темном месте, чтоб мухи не досаждали. — И, повернувшись, пошел к выходу.

— Федор, я ведь не об этом! — сказала хозяйка. — Убить его надо.

— Конечно, надо, но я здесь при чем? — буркнул Федор.

— Как при чем! — взвилась Дарья. — У тебя ж собаки, ружье, ты ведь охотник!

— Да у всей деревни ружья и собаки, и все охотники, даже кому и не надо, — отговаривался Федор, продолжая свой путь к выходу.

— Да он же за ней в деревню зашел! Аж до самой колонки! Утром след был на дороге, — сказала Дарья. Это был ее последний довод.

— Дарья, ну где я его буду искать? Посмотри, везде пожары, он, может, проходной и сейчас идет километров за пятнадцать отсюда, — оправдывался Федор, который только вчера выехал из тайги (он завозил продукты на охотсезон), и ему хотелось отдохнуть, а не шариться неизвестно где в поисках неизвестно чего.

— Федя! Ты где живешь-то? Ведь уж двух коров который день найти не могут! — воскликнула Дарья.

Скотина в деревне бродила на вольном выпасе, и, бывало, коровы уходили куда-нибудь на старые вырубки или вверх по реке дня на два-три, а потом приходили домой сами, с разбухшими сосками и выменем и, стоя рядом с домом, ревели, как дикие звери. Хозяйки, и матерясь, и жалая скотину, начинали осторожно их раздаивать. Но случай с хохловской телкой занес сомнения и тревогу: сами ли они удрали пастись или уже лежат где-то, прикопанные хозяйственным косолапым. Этот случай взбудоражил деревню, сразу вспомнили, и как собаки орут по ночам («ну прямо на приступ, так орали, так орали, особенно под утро, говорили бабы), и собачий лай в тайге недалеко от деревни.

Всего этого Федор не знал и, дослушав Дарью, сказал:

— Ладно, что-нибудь придумаем.

Вечером почти вся молодежь ходила с ружьями, встречались и договаривались, кто и где будет караулить и где самое надежное место сделать засидку. Старший сын Федора тоже засобирался. Отец молча наблюдал, как сын с деловым видом перебирал пули.

— С Петром пойдем за пилораму, — взглянув на отца, сказал парень. — Там старая помойка и медвежьи следы вокруг.

Федор, помолчав, сказал:

— Сильно много охотников. Спугнете вы его. — Еще немного подумав, добавил: — Денис, не забывай золотое правило охотника, стреляй только тогда, когда точно убедишься, увидишь, что это

зверь. И сам пойдешь домой — иди с включенным фонарем, а то много горячих и желающих отличиться.

Утром выяснилось, что медведь приходил, но, как и предполагал Федор, фыкнув пару раз в густом мелколесье, ушел, еле потрескивая сухими ветками на земле. Погода вроде стала меняться, подул восток, который всегда приносил слякоть.

— Хоть бы чуть-чуть полило, — подумал Федор. — Речки совсем обсохли, проблема будет заезжать в верхние избушки.

Речка, по которой охотился Федор, была вертлява и порожиста, и в мелкую воду заброска доставалась потом и кровью. Пока Федор был в тайге, завезли свежих продуктов, и он решил сходить в магазин, посмотреть и чего-нибудь прикупить. В прохладном и притемненном помещении народу было мало. Федор поздоровался, стал рассматривать новые крупы, когда зашла еще одна посетительница и сказала новость: Агашин Сергей нашел свою корову и спугнул с нее медведя. Сергей жил рядом с магазином, и на обратном пути Федор к нему зашел — тот как раз был во дворе. Поздоровавшись, спросил, правда ли то, что он услышал в магазине. Сергей рассказал все как было и как напугался, когда медведь кинулся бежать от него. Федор упрекнул мужика, что, зная обстановку, пошел без ружья.

— Ведь ты, Серега, мог рядом с кормилицей своей и лечь. Можно сказать, повезло тебе.

— Да я сегодня соберу мужиков! Мы его, суку, там и завалим, — грозился Сергей.

Федор, выслушав, какие кары ждут разбойника, сказал:

— У меня к тебе, Сергей, будет просьба. Если хочешь наказать обидчика, никому не говори — где и как, иначе все испортят, я сам им займусь.

Сергей сразу согласился. Федор, придя домой, быстро переоделся, взял двустволку и с кобелем на поводке пошел в указанное Сергеем место. Оно было в пойме реки и густо заросло черемушником и высоким, толщиной в ногу, тальником. Дойдя до принесенной весенней водой коряги, о которой говорил Серега, Федор отпустил приносивающегося кобеля с поводка. Тот на махах скрылся по тропе, туннелем выделяющейся среди густого черемушника и папоротника. Послышалась какая-то грызня и собачий визг. Скинув ружье, быстро, но весь настороже, с готовым к выстрелу оружием, поспешил к этому месту. Там шла настоящая битва. Федоров кобель дрался с двумя деревенскими псами. Схватив дрын, Федор сразу изменил картину боя, противники позорно

бежали. Осмотрев кобеля и никаких ран не обнаружив, он его привязал.

От коровы осталось немного, видать, хорошо помогли собаки. По всему было видно, что у них с медведем негласный договор: «Ты ночью, мы — днем, коров много, зачем ругаться?» Хорошего места, чтобы сделать лабаз, не было — везде тальник и черемуха. Если сделать засидку на земле, то вообще ничего не увидишь. Как Федор ни мараковал, лучше трех талин, расположенных прямо рядом с привадой, места не было. Вырубив в стороне палки для перекладин, Федор полез на талину делать лабаз. К приваде было близко, и он хотел сделать лабаз повыше, но когда он поднялся по дереву до середины, талина под тяжестью стала клониться набок. Ничего не оставалось, как делать лабаз на этой высоте, потому что другие талины были еще тоньше. Привязав перекладины к трем талинам, он уселся на них и опробовал свое сооружение на удобство при стрельбе. Закрепленный между талинами лабаз стал жестче, но все равно, когда налетел порыв ветра, его клонило в сторону, а ветер нагонял и нагонял небесной хмари и стал уже совсем свежий. К вечеру погода совсем поменялась, с опозданием осень принесла свои дожди и сырость.

Прикинув расстояние, Федор вышел из дому так, чтобы засветло уже быть на лабазе. Но не подрабассчитав, что погода пасмурная, он подошел к месту уже в сумерках. Постоял у тропы-тоннеля, послушал. Слышались только порывы ветра и шелест ветвей, лист еще не опал, и в зарослях было уже почти темно. Когда он представил, как пойдет по этому темному, шелестящему тоннелю и что там может быть, ему стало как-то не очень уютно. Постояв еще секунд десять, он со взведенным ружьем, осторожно, прислушиваясь, двинулся к лабазу. Забравшись на лабаз, сразу почувствовал себя спокойнее и увереннее. Стала моросить какая-то водная пыль. «Смочит траву — может подойти неслышно», — мелькнуло в голове, и тут же послышалось какое-то шуршание и движение под лабазом. Федор замер, осторожно наклонив голову, глянул вниз. Прибежали две собаки, по белой расцветке он определил, что это, наверное, старые знакомые. Сперва он хотел их прогнать, чтобы не помешали, но подумал, что, вернее всего, здесь давно уже все знакомы и что может они, наоборот, помогут обнаружить подход осторожного хищника.

Федору было пятьдесят лет. Вся сознательную жизнь он охотился, жил и кормил семью охотой. Это был не первый его медведь, добывал он их немало и бывал в разных ситуациях. И на лабазах он

раньше стрелял, но те были на крепких деревьях и на приличной высоте. Этот же качался от каждого порыва ветра, и когда стало совсем темно, как в чулане, Федор потерял ориентацию: где земля, где небо, его качало, как в колыбели. Когда ветер дул в грудь, то его клонило спиной к земле. Казалось это движение невыносимо долгим, было ощущение, что он сейчас коснется спиной земли или тонкие деревья не выдержат его тяжести и сломаются. Потом в определенной точке это движение замирало и начиналось в обратную сторону. Так же долго и мучительно клонились уже к другой точке земли. Федор даже пробовал достать до земли ногой, так, казалось, низко склонялись деревья.

«Господи! Я же на него верхом сяду! — мелькнуло в голове. Но трезвый рассудок говорил: — Это все эмоции. Днем же сидел, видел, насколько качается лабаз, так что успокойся».

Медведя он услышал по фыканью, когда тот стал принохиваться, а как он подошел, Федор не слышал. Собаки бесследно испарились, даже ни разу не гавкнув.

«Сволочи, хлебоеды, — подумал он про них. — Зверь, видать, привык к собакам, не стал осторожничать, а сразу подошел и захрустел костями. Как не подавится?» — мелькнуло в голове.

Снизу раздавалось чавканье, сопение и другие звуки, зверь разгребал и встряхивал, потому что слышалось какое-то хлопанье. Подождав еще

немного и усопоявшись, Федор включил трехбатареечный фонарь. Медведь был прямо под ним, но его голову с лопатками закрывали ветви с листвою, и если это место днем хорошо просматривалось, то сейчас от веток была тень и за ними было ничего не видно. Освещенным был только зад медведя. При всей этой напряженной обстановке Федора удивило и, даже можно сказать, развеселило, как медвежий куцый хвостик покруживался от удовольствия, как у какого-то поросенка или козленка, который сосет титьку. Федор сразу выключил фонарь, он не знал, как зверь отреагирует на свет, и боялся его спугнуть. Посидев некоторое время в темноте, он пришел к выводу, что зверь, закрытый листвою, света не видит, и уже более спокойно включил фонарь. За годы охоты выработалась привычка стрелять только по ясно видимой цели, а здесь приходилось целиться куда-то в черноту, и хоть Федор рассчитал, где должны быть лопатки, заставить себя нажать на курок пришлось усилием воли. С утробным выдохом, полуревом зверь ломанулся в сторону, круша все на своем пути, и метров через сто пятьдесят затих.

Весь напрягшись, Федор слушал. Было тихо. Так напролом уходит только смертельно раненый зверь. Он знал это и был почти уверен, что это сгоряча и сейчас зверь лежит уже мертвый. Федор не любил спешить, сейчас он тоже решил посидеть, послушать, может, все-таки зверь затаился и чем-нибудь выдаст, что он живой. Рядом легонько хрустнула ветка. Собаки? Но осторожное пофыкивание выдало, что это другое, второй! Видать, ждали в стороне, когда более сильный зверь насытится и отойдет. Волнение и азарт потихоньку выдавливали вернувшееся спокойствие. Идя на засидку, заряжая ружье, Федор вставил две пули, но стрелять из чока он не планировал — так, для подстраховки. С этим ружьем он ходил за гусями, где важен кучный бой, и Федор боялся растянуть пулями левый ствол. «Надо потихоньку перезарядить ружье, — постукивало в голове. — Подойдет, начнет чавкать, тогда и заряжу».

Но зверь осторожничал и, стоя от привады метрах в восьми-десяти, потихоньку нюхал воздух. «Уйдет! Видать, выстрел вниз оставил запах сгоревшего пороха. Недалеко, по глазам, выстрелю в голову», — стучало в мозгах. Потихоньку стал переламывать бескурковку. Но когда на охоте днем все это делаешь в азарте, не замечаешь кое-какие мелочи, и сейчас, ночью, в напряженной тишине неожиданно раздался еле слышный металлический щелчок взводимого курка. «Блин! Все! Ну, хрен старый, совсем

забыл! Надо же так». Федор так и сидел с раскрытым ружьем, боясь сделать хоть какое-то движение. Все было тихо, сколько потом ни вслушивался в ночь, ничего не услышал, зверь ушел. Закрыв ружье и потихоньку матеря себя, Федор решил: «Досижу до рассвета, потом пойду за собаками». Ночь стала отступать, засерело, стали проглядываться ветки и листья ближайших деревьев. Внизу послышался шорох. Посмотрев, Федор увидел собаку, она показалась знакомой, с куцым хвостом.

— Бобка! — позвал.

Собака подняла голову и усиленно, как флагом, замахала огрызком, это был кобель старшего сына. Это был хороший кобель, зверовой. Федор обрадованно спустился на землю, подозвав Бобку, он взял его на веревочку и, поусыкивая, подвел к следу стрелянного зверя. Собака, принявшись, пошла. Пройдя еще немного и видя, что кобель уверенно тянет по следу, Федор отпустил собаку, через короткое время послышался лай и тут же смолк. Выдерживая направление на лай, идя через чащу, скоро наткнулся и на собаку, и на мертвого медведя. Он лежал головой по ходу. «Сдох на бегу», — определил охотник. Это был средних размеров черный самец.

На следующий вечер, с учетом сделанных ошибок, Федор отправился на засидку. Подойдя засветло к приваде, он увидел, что там почти ничего не осталось. Валялись растасканные собаками кости, все было утопано.

— Придет проверить, — решил он и полез на лабаз.

Просидел до часу ночи, кроме собак, никто не подходил. Чтобы не идти ночью по кустам, он решил идти домой берегом. Получался крюк, но идти там было легче и суше. Дождь так и моросил с перерывами, и все, что могло, набрало влаги. Идти по пабереге было легко, и не было шума от кустов и травы, которые шуршали по куртке и сапогам. Федор шагал почти бесшумно, ориентируясь по свалу к реке. Его заинтересовал какой-то непонятный звук, который вроде бы был везде, но конкретно что и откуда шумит, было определить трудно. Федор остановился, закрутив головой, стал усиленно вслушиваться. Сверху! Это сверху. В кромешной тьме шел перелет маленьких птичек. Это они тихонько щебетали, переключаясь, и шумели крыльшками! Федор был поражен, до чего природа совершенна и как далек от нее человек.

Подходя к деревне, Федор увидел свет в окне своего товарища, который был неженатый, и решил зайти в гости и поделиться услышанным. Поднимаясь на угор, он увидел стоящего человека.

Это был Алексей, сосед Михаила. Алексей был хороший мужик, рыбак и охотник, но панически боявшийся медведя. Он работал на дизельной, и когда проходил слух о медведях или, не дай бог, он видел след зверя возле дизельной (а они почему-то любили туда подходить, что-то их интересовало, или запах соляры, или что-то другое), Алексей уже с ружьем не расставался, что было поводом для шуток деревенских мужиков. Федор поздоровался с Алексеем, спросил, почему он не спит. Алексей ответил, что он провожает в Красноярск дочь и караулит теплоход. Потом, осмотрев Федора, помолчал и, смотря на ночную угрюмую тайгу, спросил:

— Федор, зачем тебе это? Неужели тебе так нужен этот медведь? Что ты в такую ненастную ночь лазишь за ним черт-те где?

Федор был мужик с юмором и не мог упустить такого момента подшутить. Помолчав для значительности, он с чувством сказал:

— Алексей! Знаешь, мне ведь он на хрен не нужен, какая с него корысть? А как подумаю, что он единственного хорошего дизелиста съест — места прямо не нахожу!

Алексей молча смотрел на ночной Енисей. «Шутка осталась неоцененной», — подумал Федор. Но тут Алексей срывающимся голосом произнес:

— Федя! Спасибо! — шагнул к нему, взяв его руку, крепко сжал, с дрожью в голосе еще раз сказал: — Спасибо!

Федор быстро отвернул свое лицо от света, чтобы Алексей не догадался, что это была всего лишь шутка. К Михаилу Федор заходил под впечатлением произошедшего. «Вот так пошутил, называется!» — думал он. Рассказывая все это Михаилу, Федор все сокрушался, что так неудачно пошутил над этим бесхитростным человеком и какая у того будет обида, если он поймет, что это была просто подколка.

Осень решила доказать, что она не забывает свои обязанности, и потому с утра лил уже настоящий ливень, везде блестели лужи и была грязь.

— Схожу, сегодня еще покараулю, и все. Буду собираться в тайгу, — решил Федор.

День в хлопотах пролетел быстро. Придя за светом, Федор залез на лабаз, просидел до пол-

ночи, весь промок, потом, решив, что хватит, пошел домой напрямую. По дороге спугнул лошадей, которые с громким топаньем ломанулись от него по кустам.

«Видать, их тоже лохматый погонял, раз такие пуганые», — подумал он. Вдоль совхозного огорода, который был в самом низу деревни, тянулась разбитая тракторная дорога. Ступив на нее, сразу почувствовал тяжесть на ногах, сапоги облипли и с трудом отрывались от земли. Федор шел в темноте, осторожно переставляя ноги, боясь попасть в глубокую тракторную колею. В это время у крайнего дома засветились два карманных фонаря и слышались возбужденные голоса. Слов нельзя было разобрать, отдельно только доносилось:

— Вон он! Вон там!

Постояв и понаблюдав, Федор потихоньку двинулся дальше. В это время по дороге слышались какие-то шлепки и фыркание. Конь? Но какая-то тревога тихо заполняла грудь: если конь, то почему он бежит ко мне, а не наоборот? Выдернув из-за голенища сапога фонарь, направил луч света на звук и сразу судорожно стал сдергивать ружье. Оно было заряжено, но висело за спиной. На Федора неслась лохматая медвежья башка. Луч света был узким и высвечивал только голову и мелькавшие передние лапы. Качающаяся голова со светящимися зелеными глазами быстро приближалась. Слышалось тяжелое дыхание зверя с хлюпающим звуком при прыжках по грязи, казалось, что все это надвигается вместе с густой чернотой, которая была за кругом света. Мысли в голове подталкивали одна другую: «Близко! С картечи! Пулей! Или сразу с двух!»! Но тут до медведя дошло, что по дороге шлепала совсем не корова, он резко, с каким-то поворотом в сторону, тормознул. Федор двинул стволами за ним, но стукнувшийся о ружье фонарь погас. Быстро тряхнул, луч света шарил уже по пустой местности. Вот он! Настоящий-то охотник! А те, видать, были нахлебники, уже пришли на готовое.

Федора колотило, он стоял на дороге и бездумно смотрел в темноту. Больше в эту осень он не ходил караулить — надо на промысел. А этого скотинника поймал в петлю лесник Василий.